

УДК 378.09:61:94(477.54)

Женский медицинский институт: 100-летний юбилей и 90-летнее забвение

Григорий Романец,

редактор,

харьковское книжное издательство «Артнет медиа»

*Как поборнику высшего женского образования Харькову
есть чем гордиться, — но сначала об этом надо вспомнить...*

Женский медицинский институт — это в каком же городе? Разве у нас? В Харькове? Да неужели был такой?» — вот типичная реакция многих преподавателей харьковских вузов, не говоря уже об остальных харьковчанах. А между тем названный институт в 1910–1920 гг. действительно существовал. Более того, драматическая история его создания и деятельности сделала бы честь любому городу на земном шаре.

Так почему о нем сейчас мало кто помнит? Об этом речь впереди. Пока же обратим внимание на то, что Харьков перестал быть «рабочей лошадкой» общеимперских, а затем и общесоюзных структур, которую полагалось постоянно держать в черном теле. В независимой Украине, несмотря ни на какие трудности, Харьков все же имеет ощутимо более высокий статус. И уникальный набор общеевропейских наград, который, при острой нехватке финансовых капиталов, завоевал за последние годы город, свидетельствует о том, что здесь накоплен солидный духовный капитал. Последний же, как известно, не берется займы у зарубежных инвесторов; он никогда не появляется вдруг, на пустом месте. Не слишком ли мало мы сами его ценим и не пора ли вслед за изменением статуса города сделать переоценку своего достояния?

За примером дело не станет — на сей раз из области высшего женского образования. Здесь, как и во многих других областях, Российская империя шла своеобразным путем. Официально считалось, что женщины в массе своей не способны постичь высшие премудрости; мало того, при совместном обучении, они, несомненно, отвлекали бы от постижения указанных премудростей студентов-мужчин. Поэтому университеты и институты надежно ограждались от нежелательных поползновений.

К слову сказать, большинство обывательской массы было вполне согласно с начальством. Какое там высшее образование, когда даже в роли извозчиков, кондукторов трамвая, швейцаров и дворников женщин не могли себе представить. Помилуйте, да разве могут они быстро и правильно считать деньги или помнить, где какая улица? Да с ними неприятностей не оберешься! Подобные взгляды продержались до середины Первой мировой войны, когда жены угнанных на фронт мужей постепенно, несмотря на насмешки, с трудом, но таки изменили воззрения сограждан.

Тонкой интеллигентской прослойке трудно было спорить с взглядами как «вверху», так и «внизу». Но изобретательность неизбалованной прослойки в этой стране всегда находилась на должном

уровне. С 1870-х гг., как грибы сквозь асфальт, стали пробиваться всевозможные частные высшие женские курсы, по разным специальностям, в том числе медицинские. Интересно, что в документах и печати тех лет, вплоть до революции, старались избегать непривычного слова «студентка»: фигурируют «женщины», «исторички», «курсистки», «медички», «слушательницы» («вольнослушательницы») и т.п.

В Харькове сначала пытались идти более традиционным путем цивилизованных стран: принимали в университете экзамены на право медицинской практики у женщин, получивших образование за границей; после долгой борьбы добились разрешения зачислять женщин вольнослушательницами на медицинский факультет того же университета, что и было осуществлено в 1905 — 1907 гг. Потом опять из министерства народного просвещения последовал запрет.

В олей-неволей и в Харькове молодежи пришлось воспользоваться частными курсами. Учредительница частных высших женских курсов энергичная и предприимчивая госпожа Н.И. Невиандт учла ситуацию и в 1907 г. дополнительно организовала медицинский факультет. У нее были деньги, связи и ценный набор качеств одного из ярких образов Достоевского: «характер решительный и владычествующий», «в делах затруднительных твердость и стойкость удивительные», «дважды два для нее никогда ничего не значили», «никогда ни в чем не считала она себя несправедливою или виноватою».

Далее события приобретают драматический характер. Они подробно изложены в работах [1; 2]. Здесь же, исходя из этих и других источников, перескажем ход событий в наиболее компактной форме — как смесь драмы и хроники военных действий. Одно из главных действующих лиц — безусловно означенная госпожа *Невиандт*; она же — противоборствующая сторона. Другое действующее лицо (сторона) — образ собирательный, быстроменяющийся

и потому трудноопределимый. Назовем его привычным для наших читателей и корректным словом — *Оппоненты*. Вначале это были лишь обманутые преподаватели и курсистки. В ходе борьбы к ним примкнули члены Харьковского медицинского общества (далее — ХМО), многие общественные деятели — чуть ли не большинство общественности города. (Впрочем, стойкую владелицу курсов их численный перевес не смутил.)

Итак, вернемся в 1907 г.

Невиандт. Организовала медицинский факультет на своих курсах, собрав со слушательниц 300 тысяч рублей — громадную по тем временам сумму. Привлекла к преподаванию персонал университета. Это позволило курсам просуществовать более двух лет.

Оппоненты. В начале 1910 г. курсистки и преподаватели заметили, что обещанные лаборатории, клиники и некоторые кафедры так и не созданы или находятся в жалком состоянии. А значит, третьекурсницы полноценных знаний и навыков не получают. Ассистентам задерживают жалованье. Условия обучения плохие. Профессора С.А. Попов и А.В. Репрев покинули курсы. От них и от курсисток стали поступать открытые письма в органы печати; были и личные обращения к известным медикам.

Невиандт. Письменно отвечать никому не пожелала, а устно сообщила курсисткам, что ее денежные средства иссякли. Однако факультет официально не закрыла. Ввела новый устав курсов, который, по мнению курсисток, «почти на нет сводит роль профессоров и чрезмерно расширяет единоличную власть учредительницы».

Оппоненты. Курсистки обратились с ходатайством в ХМО с просьбой взять дело в свои руки. Там горячо поддержали их — и это несмотря на общее послереволюционное торжество черносотенцев в империи и недавний министерский запрет. На заседании 8 мая 1910 г. единогласно решили немедленно приступить к организации курсов. К чести города, в соответствующий оргкомитет вскоре со-

гласились войти не только представители ХМО, но и ректор университета историк Д.И. Багалей, председатель губернской земской управы, городской голова, редакторы газет «Утро» и «Южный край», многие другие влиятельные лица. Именно Д.И. Багалей на заседании 17 мая предложил назвать будущие курсы Женским медицинским институтом (далее — ЖМИ). Бюро комитета возглавил профессор медицинского факультета университета физиолог В.Я. Данилевский (1852–1939), впоследствии академик АН УССР (1926). (Нынешняя улица Данилевского в Харькове названа в его честь.) Он стал, по выражению современника, «центром и душой всего грандиозного дела» (рис. 1).

Неожиданно отовсюду начали поступать пожертвования: от Общества приказчиков, владельцев ресторанов, Земского банка, редакций газет, уездного Земского собрания, Русского общества торговли аптекарскими товарами и многих других организаций и частных лиц.

Невиандт. Пресекала попытки ХМО вступить в переговоры о продаже ею или об аренде у нее имущества курсов, ссылаясь на нездоровье или занятость. Все же 31 мая устно дала принципиальное согласие на передачу курсов ХМО на взаимоприемлемых условиях. Однако через несколько дней прислала председателю ХМО письмо, которое лучше не пересказывать, а процитировать: «Обсудив ваше лестное для меня предложение Медицинского общества приобрести мои курсы, считаю себя нравственно обязанной поспешить известить Медицинское общество, что в данное время считаю предложение это для себя совершенно неприемлемым, так как решила продолжать начатое мною дело до первого выпуска медичек, почему и прошу принять выражения моего глубокого уважения».

Оппоненты. Было решено вести дело совершенно самостоятельно, без оглядки на имущество Невиандт. Подготовлен проект устава ЖМИ и отвезен в Петербург министру, который обещал со своей

стороны не препятствовать полезной инициативе и немедленно запросить требуемое законом заключение попечителя учебного округа. Окрыленные члены оргкомитета стали пока подыскивать необходимые помещения.

Невиандт. Она наверняка не знала, что теоретики будущего для обозначения скрытых процессов придумают термин «черный ящик». Но как незаурядный практик она неизвестно каким путем добилась требуемого выходного сигнала из указанного ящика: попечитель Харьковского учебного округа действительный статский советник П.Э. Соколовский признал одновременное существование в одном городе двух конкурирующих курсов совершенно недопустимым.

Оппоненты. Снова обратились к министру, который согласился на открытие ЖМИ даже при наличии в городе другого однопрофильного высшего учебного заведения. Однако министр не согласился на то, что директор института является лишь исполнительным органом Совета института. Харьковчанам пришлось примириться с тем, что в окончательном варианте уста-

Рис. 1. Профессор
Василий Яковлевич Данилевский

ва директор утверждается министром и ответствен перед ним. Кроме того, после длительных переговоров пока было решено открытие лишь I и II курсов.

Не дожидаясь окончания напряженных переговоров В.Я. Данилевского с петербургскими чиновниками, ХМО пошло на большой риск, начав приспособлять свои больницу и амбулаторию для потребностей *трех* курсов института, приглашать преподавателей, договариваться об аренде третьего и четвертого этажей банка в доме на ул. Сумской, 1 (нынешние харьковчане знают его по гигантскому градуснику) (рис. 2).

Наконец 15 июля 1910 г. из министерства была получена телеграмма с официальным разрешением на основание ЖМИ. Через три дня, по прошению ХМО, харьковский губернатор разрешил сбор пожертвований (впрочем, читатели помнят, что харьковчане, по обыкновению своему, не стали дожидаться официального разрешения). На заседании ХМО на пост директора был избран В.Я. Данилевский, о чем ему тут же телеграфировали в Петербург.

26 августа попечитель учебного округа передал правлению ХМО официальное извещение министерства об утверждении устава и о разрешении открыть институт в текущем учебном году. В бумаге, однако, вскользь пояснялось, что срок начала занятий должен быть определен лишь после осмотра приспособленных для института помещений комиссией под председательством попечителя.

Невиандт. Озаботилась привлечением в комиссию (вероятно, не без содействия благоволившего к ней попечителя) своих сторонников, в частности декана ее курсов профессора Н.К. Кульчицкого и профессора А.Г. Зоммера.

Вдобавок тот же Н.К. Кульчицкий явно не торопился занять кафедру гистологии в ЖМИ, а избранный на кафедру анатомии А.Г. Зоммер прямо отказался ее принять. Между тем список преподавателей уже следовало представить на утверждение попечителю.

Оппоненты. На кафедре анатомии чтение лекций временно было поручено приват-доценту Г.А. Валяшко. Позже, 17 ноября, Совет ЖМИ поручил эту ка-

Рис. 2. В этом здании на ул. Сумской, 1 в 1910 г. размещался Женский медицинский институт

федру — одну из ведущих — молодому, 34-летнему приват-доценту университета В.П. Воробьеву (рис. 3). (Через 13 с небольшим лет, несмотря на сложные отношения с советской властью, именно он будет бальзамировать тело В.И. Ленина по своему уникальному методу.)

В переулке, который (как и соседнюю улицу) позже назовут именем Воробьева, а пока Скрипницком, для возведения анатомического театра пришлось сломать помещение склада. Лишь 10 августа там удалось начать земляные работы; но уже 23 августа был заложен фундамент, а в начале октября окончена каменная кладка и уже производилась внутренняя отделка. Работы шли и по праздникам, а иногда и ночью. Понятно, что для обеспечения невиданных темпов у строителей над душой все время кто-то должен был стоять, а вернее, он должен был дневать и ночевать на стройке. Таким живым катализатором стал строгий казначей ХМО профессор А.Д. Чириков. Не отставали и другие, подготавливая помещения на ул. Сумской, 1, закупаая мебель, инвентарь, учебные пособия.

Зал заседаний ХМО фактически был превращен в канцелярию института: с 9 утра до 2 ночи принимались прошения о приеме и плата за учение, давались справки, велись совещания, переписка со многими организациями, переговоры с поставщиками и подрядчиками.

Несмотря на требование попечителя «без замедления возратить просительницам» все заявления стремившихся на III курс, эти заявления не возвращались. А 4 октября В.Я. Данилевский, в очередной раз посетив министра, все-таки добился разрешения на открытие III курса.

Невиандт. Решила возобновить переговоры о продаже имущества ее курсов институту. Но формально это сделал декан ее курсов Н.К. Кульчицкий, письменно сообщив 6 октября, причем от своего имени, что «Медицинское общество могло бы приобрести имущество Курсов г-жи Невиандт полностью или частично». Такой маневр позволил владелице курсов вовлечь ХМО

Рис. 3. Приват-доцент Владимир Петрович Воробьев

в переговоры, а затем утверждать, что ее не так поняли: она категорически отказывается продавать учебные пособия и вообще оборудование курсов. Вместо этого она предложила лишь арендовать весь инвентарь — и обязательно вместе с ее домом. Ее послание, написанное и переданное в ХМО 12 октября утром, содержало вежливую просьбу дать ей принципиальный ответ именно сегодня, в 12 часов дня. Между прочим, в дипломатии столь точное обозначение срока ответа автоматически переводит любое заявление в разряд ультиматумов. Ответ был не менее вежливым: ее просили сообщить, что именно она желает отдать в аренду, и на каких условиях. На этом переписка оборвалась.

По странному совпадению, буквально на следующий день, 13 октября, нагрянула упомянутая выше комиссия попечителя учебного округа. Причем она начала осмотр не с практически готового помещения на ул. Сумской, 1, а с только что построенного анатомического театра, в котором еще шли отделочные работы. Был составлен протокол осмотра лишь анатомического театра, а в составлении прочих попечитель отказал. Подготовку

ряда частных заключений попечитель поручил исключительно сторонникам Невияндт. Далее он уведомил всех, что созывает второе заседание комиссии через несколько дней, но сам почему-то засоби-рался в Петербург.

Оппоненты. В тот же день вечером В.Я. Данилевский созвал заседание правлений ХМО и ЖМИ. Было решено срочно создать ряд комиссий для оформления заключений о подготовленности к занятиям по каждому предмету. В течение следующих двух дней все приглашенные профессора и приват-доценты проделали колоссальную работу, и уже 15 октября копии всех 27 заключений были посланы попечителю. А оригиналы новая делегация ХМО повезла в Петербург, где снова состоялись напряженные переговоры.

Между тем строительные, отделочные и организационные работы продолжались, а около 900 слушательниц уже съехались в Харьков и тревожно ожидали начала занятий.

Вмешательство министерства могло. Можно предположить, что петербургских чиновников порядком измотала многомесячная и шумная «малороссийская осада» тихих и строгих кабинетов — и на сей раз рычаги были повернуты круче. 29 октября министр официально утвердил директором ЖМИ В.Я. Данилевского; до этого, с июля по середину октября, требуемый для утверждения отзыв попечителя все никак не мог попасть в Петербург.

Второе заседание попечительской комиссии состоялось в Харькове 30 октября. За отсутствием сильно задержавшегося (или удерживаемого?) в Петербурге попечителя, председательствовал управляющий учебным округом Н.Д. Арбеков, специально для такого случая наделенный министром особыми полномочиями. Комиссия производила осмотр с 11 часов 30 минут утра до 7 часов вечера. Трое из сторонников Невияндт на заседание не явились, один (А.Г. Зоммер) покинул заседание по болезни, двое (включая Н.К. Кульчицкого) при голосовании воздер-

жались. Остальные единогласно пришли к заключению, что учебные занятия могут быть начаты немедленно. Н.Д. Арбеков дал разрешение на проведение учебных занятий. Как вспоминает очевидец, по окончании заседания все профессора — друзья института, — «измученные беспрерывными тревожными и неустанной работой, радостно перецеловались».

На этом драматическая хроника становления ЖМИ заканчивается, к счастью для 524 слушательниц курсов Н.И. Невияндт. Имя последней далее уже не фигурирует.

На следующий день, 31 октября, в здании на ул. Сумской, 1 был назначен молебен перед началом занятий, на котором присутствовали многие лица, причастные к событию. Вообще-то произнесение речей не входило в программу, поскольку официальное торжественное открытие института предполагалось организовать позднее. Но все же прозвучали теплые напутственные слова управляющего учебным округом Н.Д. Арбекова, слушательниц курсов, В.Я. Данилевского и др.

И 1 ноября 1910 г. в частном Женском медицинском институте Харьковского медицинского общества — таково было официальное название учебного заведения — начались занятия.

Дальнейшая история ЖМИ освещена в работах [1; 3] и некоторых других. Изложим ее вкратце. На I курс была зачислена 421 слушательница, на II — 252, на III — 322. Чтобы наверстать время, потерянное в начале учебного года, пришлось увеличить учебную нагрузку, сократить рождественские каникулы (каникулы). Войти в график удалось лишь позже — к весне 1911 г. К 1 декабря 1910 г. было в основном завершено оборудование анатомического театра, через два месяца энергичный В.П. Воробьев смог даже открыть анатомический музей. В общем, постепенно все входило в нормальную колею.

Но вскоре после начала занятий обнаружилась большая проблема, хотя и не имеющая прямого отношения к учебе.

Уже 12 декабря 1910 г. газета «Южный край» опубликовала заметку «Помощь слушательницам медицинского института». В ней сообщалось, что ввиду острой нужды многим слушательницам понадобилось оказать «материальную помощь, юридическую, медицинскую, продовольственную, квартирную, помощь по присканию занятий, в качестве педагогов и врачебно-младшего персонала». Сразу же было создано «Общество попечения о недостаточных слушательницах». Был учрежден ряд именных стипендий, организованы благотворительные вечера в пользу неимущих слушательниц; в смету ХМО стали включаться немалые средства для поддержки медичек. В редакции газеты «Южный край» также был организован сбор средств — Харьков опять не остался в стороне.

Невзирая на эти и многие другие трудности, наконец наступил момент, когда все почувствовали: окончательный перелом произошел, дело пошло. И тогда, по инициативе В.Я. Данилевского, 30 января (12 февраля) 1911 г. в зале Оперного театра (ныне филармония на ул. Рымарской, 21) состоялось официальное торжественное открытие ЖМИ — «торжественный акт». Театр не мог вместить всех желающих: были заняты все места, проходы и даже часть сцены. Присутствовали: архиепископ Арсений, отслуживший молебен и даже произнесший слово о значении высшего женского медицинского образования, губернатор, городской голова, попечитель учебного округа, ректор и профессора Харьковского университета, правление ХМО, Совет и все слушательницы ЖМИ, директора гимназий и многие другие. Хотя чины полиции ранее не были замечаемы среди активных сторонников женского образования, полицмейстер тоже присутствовал — как же без него?

Ректор университета Д.И. Багaley назвал открытие института светлым праздником науки и просвещения, историческим событием в жизни Харькова. А выступивший от историко-филологического

факультета профессор Н.Ф. Сумцов, известный украинский этнограф и литературовед, высказал мнение, что *ни один город в России за последнее время не сделал столько для женского образования, как Харьков.*

На имя ХМО и ЖМИ поступили поздравительные телеграммы почти от всех европейских медицинских факультетов и многих медицинских обществ, а также из Азии, Америки и Африки.

В общем, как отмечал современник, «по грандиозности и воодушевлению это было исключительное в Харькове торжество».

Далее началась организация IV и V курсов, формирование новых клиник и т.п. Слушательницы стали активно участвовать в научной работе кафедр.

В феврале 1914 г. состоялся первый выпуск женщин-врачей. Слушательницы сдавали выпускные экзамены не институтской, а государственной комиссии. Из допущенных к экзаменам 240 слушательниц испытание выдержали все, причем более половины окончили институт с отличием.

5 февраля 1914 г., в только что построенном по проекту А.Н. Бекетова Дворце медицины — доме ХМО, по ул. Пушкинской, 14 (ныне Институт микробиологии и иммунологии), было организовано торжество по случаю первого выпуска. Большинство выпускниц пришли «в темных туалетах, на которых скромно выделяется маленький врачебный значок, эта крошечная брошка из серебра, стоящая дороже самых дорогих алмазных украшений»... В редакции газеты «Южный край», опубликовавшей это галантное сравнение, не могли предположить, что буквально через полгода перед описанной брошкой алмазы станут просто никчемными стекляшками.

Следующий выпуск, ускоренный, состоялся уже осенью того же года, ибо медики из нужных специалистов внезапно превратились в остро необходимых, неопенимых: началась война, перешедшая

затем в две революции и другую войну. Большая часть выпускниц немедленно была направлена в земские госпитали и лазареты. Многие слушательницы IV и V курсов отправились на фронт в качестве фельдшерниц и сестер милосердия.

Далее о деятельности ЖМИ, особенно в годы революций и Гражданской войны, известно немного и отрывочно. И преподавателям, и слушательницам приходилось очень тяжело, но институт не закрывался. Есть сведения, в частности, что руководство ЖМИ даже обращалось за денежной помощью к правительству гетмана Скоропадского.

С установлением советской власти, после многих перипетий, в 1920 г. Харьковский университет временно перестал существовать, а его медицинский факультет был объединен с ЖМИ в Харьковскую медицинскую академию, ставшую в 1921 г. Медицинским институтом.

Итак, в 1920 г. деятельность собственно ЖМИ закончилась.

А теперь возвратимся к вопросу о том, почему даже работникам харьковской высшей школы так мало известно о ЖМИ. Достояна ли его история большего внимания? Да, вне всякого сомнения достойна. Институт всего за 10 лет, из которых 6 было страшных, несмотря ни на что, успел подготовить почти 2000 врачей, в то время как медицинский факультет университета за более чем 100 дореволюционных лет дал менее 6000 врачей.

Что же случилось потом с этими 2000 ценных специалистов? Почему они словно бы бесследно растворились в жизни? Во-первых, в бескомпромиссные послереволюционные и предвоенные годы представители «гнилой интеллигенции» с подозрительным дореволюционным прошлым предпочитали вообще не привлекать к себе внимания. Во-вторых, сохранились документы лишь об открытии ЖМИ — в Государственном архиве Харьковской области. Основные же документы о деятельности ЖМИ, как и ХМО, погибли во время последней войны. В-третьих, среди выпускниц, занятых

повседневной тяжелой работой, не нашлось ярко выраженных литературных талантов — подобных чеховскому, вересаевскому или булгаковскому — для увековечения своего института и своих судеб в мемуарах. Или же последние не удалось опубликовать.

Во всяком случае, в многотомной московской «Истории дореволюционной России в дневниках и воспоминаниях» что-то мемуарное о женском образовании имеется лишь о Высших женских (Бестужевских) курсах в Петербурге и о Высших женских курсах В.И. Герье в Москве. Цивилизаторские же усилия Харькова, как очень часто бывало в Российской империи, а потом и в СССР, внимания не удостоились (даже обстоятельную работу [1] «не заметили»). Хотя для внимания, как обычно, имелось ничуть не меньше оснований, — и это при куда более скромных исходных возможностях.

Если же речь пойдет не только о годах учебы, но и о дальнейших судьбах выпускниц, то, памятуя об историческом фоне их жизни, можно с уверенностью утверждать, что им было о чем вспомнить и рассказать. Поведать как в чисто медицинском аспекте, так и в иных аспектах, которые их сытым и благополучным зарубежным коллегам даже в страшном сне явиться не могли. Впрочем, справедливости ради надо отметить, что наиболее любознательные из этих коллег потом приезжали и профессионально интересовались: как здесь все же умудрялись лечить, не имея ни оборудования, ни медикаментов, ни еды — вообще ничего?

Как же вернуть это духовное наследие из небытия? Когда-то в местной прессе промелькнуло любопытное замечание одного из краеведов о том, что в Харькове в течение бурного XX века из интеллигентских профессиональных династий лучше всего сохранились (уточним: уцелели) династии врачей. Поэтому именно они часто являются своеобразными хранителями преемственности поколений — не только в медицинском, но и в общежитейском смысле.

С этим можно согласиться, можно даже назвать причину «живучести». Во времена революций, Гражданской и других войн, разрухи и голода кому нужны были педагоги, инженеры, архитекторы? По этому поводу предельно ясно выразился в общеизвестной «Педагогической поэме» очевидец тех событий А.С. Макаренко. Вооруженные отряды всех мастей (из контекста понятно, что и революционные тоже, — как это проморгала советская цензура?) «...не церемонились ни с их квартирками, ни с их психологией и по тем и по другим стреляли из трехдюймовок, не жалея ни их науки, ни наморщенных лбов». А вот с врачами дело обстояло иначе: они требовались всем противоборствующим сторонам, причем везде, всегда и немедленно. Работа трехдюймовок лишь усиливала такую потребность.

Стало быть, у медиков действительно имелось больше шансов выжить и даже продолжить семейные врачебные династии. Отсюда следует, в частности, что где-то в харьковских (и не только) квартирах ждут своего часа дневники и письма, другие документы, фотографии прабабушек — питомиц ЖМИ. Это могут быть и устные рассказы, хранимые пока что лишь в памяти правнуков; но информация из них оказалась практически, профессионально востребованной в неслладкие 1990-е.

Думается, названные династии все же найдут способ сообща ликвидировать

неприлично большое «белое пятно» на истории харьковской высшей школы — особенно если их «организуют», например под эгидой Харьковского национального медицинского университета. Пусть хоть 100-летний юбилей ЖМИ послужит к этому поводом.

А мне остается поблагодарить заместителя директора научной библиотеки Харьковского национального медицинского университета Ирину Васильевну Киричок за основательную библиографическую помощь.

Литература

1. *Ган А.К.* Женский медицинский институт Харьковского медицинского общества / А.К. Ган // Харьковский медицинское общество, 1861–1911 гг. : очерки его пятидесятилетней деятельности / сост. под ред. С.Н. Игумнова. — Харьков, 1913. — С. 391–409.
2. *Петрова З.П.* Создание Харьковским медицинским обществом Женского медицинского института / З.П. Петрова // Междунар. мед. журн. — 2006. — № 2. — С. 128–132.
3. *Петрова З.П.* Женский медицинский институт Харьковского медицинского общества (1910–1920 гг.) / З.П. Петрова // Там же. — № 4. — С. 139–146.

09.11.2010